

О. Р. Цой

СУИЦИД И ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВО: В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУИЦИДОЛОГИИ

O. R. Tsoy

SUICIDE AND SELF HARM: IN THE CONTEXT OF PENITENTIARY SUICIDODOLOGY

В статье рассматриваются вопросы проблемы самоубийств в местах лишения свободы. Раскрывается суицид среди осужденных на основе их отдельных характеристик. Проводится укрепление позиции пенитенциарной суицидологии как самостоятельной науки и на основе этого раскрываются отличительные критерии двух по своему характеру вида аутоагрессивного поведения — членовредительство и самоубийство.

Ключевые слова: суицид, членовредительство, аутоагрессивное поведение, осужденный суицидент, пенитенциарное учреждение, возраст, женщины.

This article addresses the issue of suicides in confinement, unveiling suicides among prison inmates based on their individual characteristics. It illustrates how the penitentiary suicidology strengthens its position evolving into an independent science and, as a result, unveils criteria for distinguishing two conceptual types of auto-aggressive behavior: self-harm and suicide.

Keywords: suicide, self-harm, auto-aggressive behavior, confined suicer, penitentiary institution, age, women.

В последнее время изучение агрессивного (аутоагрессивного) поведения человека стало едва ли не самым популярным направлением исследовательской деятельности как отечественных ученых, так и зарубежных психологов, социологов, педагогов и юристов. В рамках криминологического учения изучения самоубийства имеются единичные исследования [13].

В системе научной мысли различных отраслей права за последние десятилетия сложились и укрепилась многие новые направления: теория современной криминальной латентности (К. Горяинов); криминальная армалогия (Д. Корецкий); феминкриминология (И. Корзун); виктимология (Л. Франк, В. Минская); современная криминальная пенология (О. Старков); криминофамилистика (Д. Шестаков); этнокриминология (М. Клейменов); сравнительная криминология (И. Клейменов) и т. д.

Проблема аутоагрессивного поведения изучалась в различных аспектах рядом исследователей. Например, проблемы мотивации аутоагрессивного поведения изучали зарубежные и российские ученые такие как, А. Г. Амбрумова,

С. В. Бородин, В. М. Вроно, Х. Виттчен, С. Канетто, А. С. Михлин, Д. Мосциски, Г. Я. Пилягина, А. А. Реан, В. А. Тихоненко, К. Н. Фейберу, Э. Шнейдман и др. Изучением аффективных состояний, приводящих к аутоагрессивному поведению занимались ученые Д. Вебер, К. И. Каплан, К. Леонгард, А. Е. Личко, И. В. Полякова, Е. Ренберг, Б. Сэдок, Д. Шафер, К. Шнайдер и др. Возрастные особенности, связанные с аутоагрессивным поведением исследовались Л. И. Божович, Б. С. Братусь, А. И. Захаров, С. А. Игумнов, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Д. И. Фельдштейн, П. М. Якобсон, и др.

На современном этапе существует большое число теорий агрессии (от авт. в основе аутоагрессивного поведения лежит агрессия направлена на самого себя), разработанных с целью объяснить все многообразие проявлений девиантного поведения, например, агрессия как инстинктивное поведение (Фрейд З., 2003, 2007; Лоренц К., 1994), агрессия как проявление побуждения в ответ на фрустрацию (Dollard J., Doob L., Miller N. E., Mowrer H. O., Sears R. R., 1939; Берковиц Л., 2002), когнитивные модели агрессивного поведения (Шехтер

С., Сингер Дж., 2002; Берковиц Л., 2002, Zillmann D., 1983), теория социального научения (Бандура А., 2000). Однако по-прежнему отсутствует единая теоретическая концепция, основанная на изучении аутоагрессивных факторов риска, на базе которой возможна выработка практических рекомендаций по предупреждению и вторичной профилактике проявлений аутоагрессивного поведения [15].

Само понятие аутоагрессивного поведения определено известным американским исследователем Э. Шнейдманом (1975), как: «действия, направленные на нанесение какого-либо ущерба своему соматическому или психическому здоровью» [14].

По мнению А. С. Калашниковой «В настоящее время начальный этап — накопление знаний, касающихся проблем... суицидологии, — подходит к концу. На смену приходит следующий этап, на котором представляется необходимым решать теоретические проблемы агрессии, непосредственно вытекающие из накопленных эмпирических знаний и направленные на решение практических задач».

Одним из таких направлений, причем сложившимся совсем недавно [17], является пенитенциарная суицидология, которое, однако до сих пор окончательно не признано наукой. В этой связи объективно назрела необходимость критической переоценки и обоснования теории пенитенциарной суицидологии как новой полноценной науки.

Анализ научной литературы показывает, что, начиная с дореволюционного периода, проблема поведения личности, которое в той или иной степени не соответствует установленным социальным нормам и потребностям, уделялось особое внимание. Тем не менее, ни в нашей стране, ни за рубежом до сих пор нет единой точки зрения на сам термин «отклоняющееся поведение», наряду с которым исследователи предлагают почти одинаковые по значению термины: «девиантное поведение», «делинквентное поведение», «аддиктивное поведение», «дезадаптивное поведение», «деструктивное поведение», «акцентуированное поведение», — которые, по мнению Н. Н. Новик, требуют определенного уточнения и дифференциации [19].

Как принято в педагогической науке, отклоняющееся поведение личности — это поведение, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности. При этом мы исходим из того,

что коммуникативные способности — это система социально-психологических свойств личности, определяющих или обеспечивающих ее участие в общении с другими людьми, вхождение в сотрудничество, совместную деятельность, а тем самым и в человеческую общность; это вид способностей, проявляемый в сфере общения и способствующий успешности человека в разнообразных областях деятельности¹.

Самоубийство, как уже отмечалось, является предметом научного анализа в трудах как отечественных, российских, так и зарубежных ученых.

К рассмотрению вопросов аутоагрессивного поведения (самоубийства и членовредительства) обращались в своих исследованиях многие ученые XX века. Наиболее значимыми для нас стали труды следующих авторов: А. С. Михлин, А. Г. Амбрумова «Проблемы суицидального поведения», и более ранние работы ученых, таких как Э. Дюркгейм «Самоубийство: социологический этюд», Д. А. Дриль «Учение о преступности и мерах борьбы с нею», Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях».

Это свидетельствует, о значительном и все возрастающем беспокойстве криминологического сообщества неэффективностью традиционных методов противодействия аутоагрессивному поведению в целом, в частности самоубийству и членовредительству.

Однако, несмотря на научную и практическую значимость, пенитенциарный суицид явление малоизученное, недостаточное разработанное в понятийном аппарате юридической науки. Как отмечает С. И. Лапаев, «Повторяется распространенная ошибка — без определения сущности, природы, содержания понятия уменьшаются возможности его последующего применения в научной практике».

Поэтому чтобы заранее не девальвировать практическую ценность категории «пенитенциарного суицида», нужны всесторонние комплексные исследования и, прежде всего, посвященные изучению антисуицидального механизма в практике».

Понятие «суицидальное поведение», под которым понимается поведение лица, способствующее совершению действий направленных на лишение жизни или повлечь причинение вреда их здоровью, использовалось в качестве индикатора при отграничении названного поведения от нейтрального (аутоагрессивного).

¹ Поэтому их развитие у подростков с отклоняющимся поведением имеет особое значение. — Авт.

С этой целью были разработаны гипотезы о наиболее вероятных видах рассматриваемого поведения, их влиянии на суицидализацию осужденного и ситуации совершения членовредительства.

Данным явлениям свойственна сходность многих характеристик: единство механизма совершения, общность причинной детерминации, которая обуславливает принципиальное сходство совокупных криминологических характеристик, а также аналогичность нравственно-психологических свойств лиц их совершающих [21].

Общие причины совершения аутоагрессивных действий (пенитенциарный суицид и членовредительство) в пенитенциарном учреждении:

- несогласие с требованиями режима отбывания наказания (незаконное требование послабления режима);

- воспрепятствование проведению обысковых мероприятий, изъятию запрещенных предметов и т. д.;

- отказ от работ по благоустройству учреждений и прилегающих к ним территорий, а также по улучшению культурно-бытовых условий, согласно ст. 121 УИК Республики Казахстан;

- нежелание отбывать наказание в определенном пенитенциарном учреждении, или быть этапированным;

- несогласие с наложенным взысканием;

- несогласие с принятым решением суда, ОВД в том числе в отказе УДО, изменение вида пенитенциарного учреждения;

- по причине психо-эмоционального состояния (семейные проблемы), состоящие на диспансерном учете у психиатра;

- отказ принимать назначенные лекарственные препараты, неудовлетворение медицинским обслуживанием или лечением;

- по вопросам личной безопасности, неприязненных отношений с иными осужденными.

По мнению А. М. Яковлева, опасность суицида максимально повышается, когда социально изолированное лицо попадает в маргинальную ситуацию [16].

Здесь конечно, следует обратить внимание на «кризис наказания», который проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов

(неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5—6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М. Н. Гернет «...тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления».

Родословная пенитенциарной суицидологии включает пенитенциарное изучение, а также интерес к исследованию всех видов аутоагрессивных действий. Различают несколько направлений в зависимости от научного направления: социальное, психиатрическое, правовое. Согласно социальному направлению преобладает либо подвержены к аутоагрессивному поведению мужчины и женщины, но непосредственно к самоубийству — мужское население, женщины в основном склонным к покушению к самоубийству. То же и касается членовредительства, по мнению ученых женщины более подвержены членовредительству, чем мужчины. Данная точка зрения по нашему мнению связаны с парасуицидом (не завершенным самоубийствами либо покушениями на самоубийство)

Особенность этого суждения рассматриваемого вопроса наглядно показан в исследовании О. И. Парова [20], который отмечает что уровень парасуицида выше у женщин, по отношению к противоположному полу. В этой связи уровень членовредительства выше чем самоубийств в целом, в частности у женщин.

Исследование проблем пенитенциарного суицида в контексте взаимосвязи с членовредительством обуславливаются, прежде всего, особенностью распространения данных негативных явлений в процессе нахождения лица в пенитенциарных учреждениях (лишение свободы, арест, содержание под стражей), зависимостью от общих социальных процессов, причин и условий их совершения, а также сходство при изучении личности совершающего аутоагрессивные действия.

По мнению сторонников аболиционизма Т. Матисен, Н. Кристи, Л. Хулсман, Х. Пепински, Р. Моррис, М. Платек и др., которые выступают против современной

пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля [22; 23].

Я. И. Гилинский отмечает, что «...Конечно, наиболее здравые из них понимают, что немедленная отмена лишения свободы — утопия. Но стремиться к этому надо. Тюрма никого не исправляет, а ломает личность и способствует повышению криминальной профессионализации. Наличие значительной доли бывших заключенных в популяции приводит к «призонизации» («отюрьмовлению») сознания и поведения всего населения. Поэтому главное — поиски и реализация, внедрение на практике мер, альтернативных лишению свободы» [10].

В мире частота суицидов в тюрьмах превышает частоту в общей популяции [Joukamaa, 1997; Fruehwald et al, 2002a, b; Landsberg & Morschauer, 2003]. Этот вывод, по нашему мнению имеет локальный характер и соответствует действительности. Во всяком случае он ограничен факторными характеристиками. Более широкое понимание раскроет их анализ. К факторам риска суицида в местах лишения свободы относятся: длительный срок заключения после совершения особо жестокого преступления (DuRand et al, 1995), переполненность тюрем (Marcus & Alcabes, 1993), изоляция (Frottier et al, 2001), психические расстройства (Marcus & Alcabes, 1993; Vogue & Power, 1995; Joukamaa, 1997), а также злоупотребление алкоголем и наркотиками (Backett, 1987; Dooley, 1990).

В практической деятельности постоянный анализ данных факторов влечет за собой игнорирование полезных данных в данный момент, но весьма полезных в будущем, а в ряде случаев и в настоящем, для других специалистов.

По мнению В. В. Соломенцева, «В учреждениях уголовно-исполнительной системы всех стран мира заключенные совершают акты умышленного причинения вреда своему здоровью (членовредительство)». Это связано прежде всего увеличением количества лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями. В настоящий момент в пенитенциарных учреждениях России содержится более 600 тыс. человек склонных к различным формам деструктивного поведения — агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду. Так по тем же данным:

- 74 тыс. человек с признаками психических отклонений, низким уровнем интеллекта;

- 127 тыс. человек с повышенной агрессивностью и импульсивностью;

- 96 тыс. человек с низким социально-психологическим статусом;

- 102 тыс. человек с повышенной внушаемостью и слабыми волевыми качествами;

- 88 тыс. человек, склонных к суициду и членовредительству;

- 210 тыс. человек, склонных к другим формам деструктивного поведения;

- 51 тыс. человек с лидерскими качествами и отрицательной направленностью [12].

Это исходит из-за того, что важным суицидогенным (вообще «аутоагрессивным») фактором является неравенство возможностей, присущее современному обществу. Неравенство возможностей в пенитенциарных учреждениях в свою очередь является результатом неравенства «воровской иерархии».

По прогнозу ученых, криминологическая характеристика осужденных будет ухудшаться, и к 2023 году уже каждый четвертый будет осужден за убийство, каждый пятый — за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый третий — совершивший грабеж или разбой. Каждый второй из числа осужденных будет склонен к различным формам деструктивного поведения, включая повышенную конфликтность, агрессивность, склонность к суициду или членовредительству [15].

На наш взгляд, мнение Ю. В. Баранова, определяющего, что условия мест лишения свободы изначально являются экстремальными по следующим основным причинам, является общим для самоубийства и членовредительства это: 1) монотонность жизни; 2) рассогласование ритма сна и бодрствования; 3) пространственные изменения; 4) ограничение информации; 5) одиночество; 6) групповая изоляция; 7) угроза жизни [10; 12]

На суицидальную готовность оказывают влияние и механизмы психологической защиты, являющиеся основным средством борьбы с тревогой [1; 2; 4; 5; 7; 18]. Декомпенсация психологических приемов самосохранения приводит человека к реализации самоубийства [3; 6; 8] либо членовредительства.

Д. Эллиот (1979) во время изучения поведения подростков, пытаясь объяснить делинквентность, построил интегративную теорию на основе теории напряжения, контроля и социального научения. В конечном итоге, делинквентное поведение объяснялось через напряжение (Р. Мертон) и неадекватную социализа-

цию, которые приводят к ослаблению разрешенных связей и к усилению делинквентных связей с учетом процесса социальной дезорганизации [8].

К интегративным относится и теория баланса контроля Ч. Титтла (Tittle) [25]. Прежде всего Титтл подчеркивает взаимосвязи девиантности и преступности. Общая теория девиантности должна быть применима ко всем девиантным проявлениям, включая преступность. Баланс контроля предполагает соотношение (пропорции) суммарного количества того контроля, который оказывают индивиды, и того контроля, который оказывается по отношению к ним. При нарушении баланса контроля появится дефицит свободы. Для подтверждения и конкретизации теории баланса контроля требуются многочисленные эмпирические исследования, — утверждает Титтл. Только тогда можно будет показать, как пропорции контроля варьируют в зависимости от обстоятельств и широкого социального контекста.

Хотелось бы отметить, что самоубийства и членовредительство не совершалось в связи с межнациональными и межэтническими конфликтами

Однако со второй половины XX столетия самоубийства и членовредительства приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии и преследования на почве национальной, расовой, религиозной вражды, а также по мотивам гомофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т. п.). Во-вторых, одним из негативных последствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев [9, с. 306—309, 449—459; 24].

Необходимо отметить, и определенные различия между самоубийством и членовредительством, в том случае когда аутоагрессивное действие не достигает своей цели, а именно покушение на самоубийство. Многие специалисты отмечают, в этом случае фиксацию членовредительства. Но если вспомнить цель этого вида аутоагрессивного явления не лишение жизни, цели различны. Покушение на самоубийство является стадией самоубийства, которое по независящим причинам

суицидента не достигло этой цели. Многие случаи покушений на самоубийства вызывают аномиию (Э. Дюркгейм), что в свою очередь может вызвать повторное совершение самоубийства. В большинстве случаев покушение на самоубийство фиксируют как членовредительство.

Иначе говоря, необходимость объяснять пенитенциарный суицид и членовредительство на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов.

Существенное отличие самоубийства от членовредительства состоит в том, что, во-первых, самоубийство имеет цель лишения себя жизни, а членовредительство совершается для временного нанесения либо употребления, но не лишения себя жизни. Случаи совершения лицом аутоагрессивного действия, то в случае если вытаскивают из петли, воды, выключают газ, не допускают падение с высоты, то их всегда чаще всего определяют, как членовредительство, но не как покушение на самоубийство. Особенно очень трудно определить истину когда это все продуманно.

По мнению Я. И. Гилинского «...в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности наблюдалось общее снижение уровня преступности и самоубийств (актов аутоагрессии)» [11].

Теоретические концепции К. Маркса, Р. Мертона и многих других, усматривающих основную «причину» девиантных проявлений, включая насильственные преступления, в социально-экономическом неравенстве, эмпирически подтверждают при исследовании корреляционной зависимости между проявлениями насилия (прежде всего, насильственными преступлениями и самоубийствами)

Так например, в 2007 г. индекс Джини в России по официальным данным составил 0,422 (по мнению экспертов, еще выше). Не удивительно, что за десятилетие 1990—1999 гг., исследованное С. Г. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. — 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств — 32,3 тыс. и самоубийств — 61,9 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. — 0,218) — наименьшее количество убийств — 15,6 тыс. и самоубийств — 39,2 тыс. [9, с. 306—309, 449—459; 24]. Дело в том, что с конца — начала гг. наблюдается сокращение уровня самоубийств, включая все действия насильственного характера,

во многих странах: Великобритании, Германии, Испании, Канаде, Латвии, Литве, Нидерландах, США, Швейцарии, Швеции и др. Возможно, существуют некие общемировые тенденции, обуславливающие «волны» преступности — сложного социального феномена, развивающегося по собственным законам...

Для оценки уровня суицидов в пенитенциарных учреждениях Казахстана важно сравнить данный показатель с соответствующими показателями пенитенциарной системы других экономически развитых государств. Проведение данного анализа состояния и динамику аутоагрессивного поведения (самоубийства, членовредительства) в тюремной системе других государств затруднительно, но по некоторым странам она установлена и проанализирована.

В книге «Самоубийство за решеткой» американских суицидологов (Дэвид Ластер — доктор психологии, автор более 30 книг и 900 статей и Брюс Л. Данто — доктор медицины, специалист по судебной психиатрии и по самоубийствам в тюрьме) осветили состояние данной проблемы в тюремной системе США и некоторых других государств, в 70—80-е годы прошлого столетия. На материалах конкретных исследований они отмечают, что в тюрьмах предварительного содержания заключенных и местных тюрьмах с непродолжительными сроками наказания, (так называемых, *jail*) уровень суицидов достаточно высок и в ряде штатов составляет 100—180 случаев на 100 тыс. заключенных. В федеральных тюрьмах (*prison*), где отбывают наказа-

ние осужденные, уровень самоубийств, как правило, намного ниже (20—40 случаев). В книге также приводятся данные о самоубийстве осужденных в некоторых других государствах в указанный период времени: в Канаде — 272; в Бельгии — 69; в Англии — 42; в Нидерландах от 62 до 207; в Австрии — 81. Во всех государствах, уровень суицида среди заключенных превышает аналогичный показатель среди обычного населения.

К сожалению, за рамками внимания выше перечисленных ученых, специалистов не достаточно подробно освещены некоторые важные, на наш взгляд, аспекты связанные с взаимосвязью аутоагрессивного поведения в условиях реализации уголовно-правовых институтов, в частности: соотношение личностных особенностей осужденного с аутоагрессивным поведением с их адаптационным потенциалом в пенитенциарном учреждении, типологические особенности личности осужденного с разными формами аутоагрессии, взаимосвязь и динамика соотношения между формами аутоагрессии в условиях различной адаптированности осужденного в криминальной среде.

Таким образом, изучение взаимосвязи суицида и членовредительства в пенитенциарных учреждениях обусловлено интересами и потребностями современного общества. Поэтому, основываясь на имеющихся разработках, необходимо проводить дальнейшее изучение детерминант и особенностей процесса адаптации осужденного, позволяющих на ранней стадии контролировать формирование аутоагрессивных тенденций.

Литература

1. Агаларзаде, А. З. Психические расстройства у осужденных (эпидемиология, судебно-психиатрический и организационный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / А. З. Агаларзаде. — М., 1990. — 48 с.
2. Бисалиев, Р. В. Суицидальное поведение при аддиктивных расстройствах / Р. В. Бисалиев // Наркология. — 2007. — № 9.
3. Бойко, Е. О. Психологические особенности агрессивных тенденций преступников, больных шизофренией / Е. О. Бойко, Т. А. Чебуракова, В. А. Стрижев // Суицидология. — 2010. — № 1. — С. 47—48.
4. Бойков, С. В. Аутоагрессия у больных с аффективными нарушениями / С. В. Бойков, В. Л. Юлдашев // Суицидология. — 2012. — № 1. — С. 53—56.
5. Вальздорф, Е. В. Самопорезы среди способов суицидальной активности уголовно ответственных / Е. В. Вальздорф // Суицидология. — 2011. — № 1. — С. 56—57.
6. Вальздорф, Е. В. Сравнительная оценка вариантов суицидального поведения подэкспертных с выявленными соматоформными расстройствами / Е. В. Вальздорф // Суицидология. — 2010. — № 1. — С. 32—33.
7. Вознесенская, Т. Г. Депрессии в неврологической практике / Т. Г. Вознесенская // Трудный пациент. — 2003. — Т. 1, № 2. — С. 26—30.
8. Ворошилин, С. И. Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения / С. И. Ворошилин // Суицидология. — 2012. — № 4. — С. 40—52.
9. Гернет, М. Н. Избранные произведения / М. Н. Гернет ; сост. канд. юрид. наук М. М. Бабаев. — М. : Юридическая лит-ра, 1974. — 639 с.

10. Гишинский, Я. И. Некоторые тенденции мировой криминологии / Я. И. Гишинский. — СПб., 2004.
11. Гишинский, Я. И. Социальное насилие : монография / Я.И. Гишинский. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2013. — 185 с.
12. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2009—2011 годы Федеральной службы исполнения наказаний // Федеральная служба исполнения наказаний России : официальный сайт. — URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doclad/Doclad2009-2011/2009-2011.pdf> (Дата просмотра 1.10.2013).
13. Ермолаева, Е. Г. Суицид и преступность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. (12.00.08) / Е. Г. Ермолаева. — Саратов, 2007. — 25 с.
14. Закондырина, В. А. Взаимосвязь аутоагрессивного поведения и социально-психологической адаптации подростков : автореф. дис. ... канд. псих. наук / В. А. Закондырина. — М., 2009. — 28 с.
15. Калашникова, А. С. Психологические механизмы аутоагрессивных и гетероагрессивных действий у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости : автореф. дис. ... канд. псих. наук / А. С. Калашникова. — М. — 26 с.
16. Клинико-психологические, социальные и правовые проблемы суицидального поведения : материалы симпозиума, 21—23 октября 1974 г. / под общ. ред. д-а мед. наук А. Г. Амбрумовой, д-ра юрид. наук С. В. Бородина. — М. : Изд. Московского НИИ психиатрии МЗРСФСР и ВНИИ МВД СССР, 1974. — 228 с.
17. Корзун, И. В. Пенитенциарная суицидология как самостоятельное направление научных исследований / И. В. Корзун, О. Р. Цой // Правовая реформа в Казахстане. — 2004. — № 1(23).
18. Кузнецов, П. В. Суицидальное поведение у следственно-арестованных мужчин: структура, факторы риска, методы профилактики и коррекционной работы : дис. ... канд. мед. наук / П. В. Кузнецов. — Тюмень, 2014. — 159 с.
19. Новик, Н. Н. Формирование коммуникативных способностей у подростков с отклоняющимся поведением : автореф. дис. ... канд. пед. наук (13.00.01) / Н. Н. Новик. — Казань, 2012.
20. Парова, О. И. Сравнительные особенности суицидального поведения мужчин и женщин, госпитализированных в психиатрический стационар в связи с парасуицидом : автореф. дис. ... канд. мед. наук / О. И. Парова. — Минск, 2014. — 23 с.
21. Цой, О. Р. Актуальные проблемы аутоагрессивного поведения в пенитенциарных учреждениях: пенитенциарных суицид и пенитенциарное членовредительство / О. Р. Цой // Правовая реформа в Казахстане. — 2015. — № 2.
22. Abolitionism in History. On another way on thinking / Z. Lasocik, M. Platek, I. Rzeplinska (Eds.). — Warszawa, 1991.
23. Morris, R. Crumbling Walls. Why Prisons Fall / R. Morris. — New-York ; London : Mosaic Press, 1989.
24. Podgórecki, A. Patalogia życia społecznego / A. Podgórecki. — Warszawa, 1969.
25. Tittle, Ch. Control Balance: Toward a General Theory of Deviance / Ch. Tittle. — Boulder : Westview Press, 1995.

ЦОЙ Олег Романович, кандидат юридических наук, полковник полиции, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Алматинская академия МВД Республики Казахстан. Республика Казахстан г. Алматы, ул. Утепова, 29. E-mail: adilet1979@mail.ru

TSOY Oleg Romanovich, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Almaty Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, Police Colonel. The Republic of Kazakhstan, Almaty st. Utepov 29. E-mail: adilet1979@mail.ru

For citation: **O. R. Tsoy** Suicide and self harm: in the context of penitentiary suicidology *Problemy prava (Issues of Law) founders journal* № 6(54).2015. pp. 210—216.

